

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 15 (52) от 14 апреля 2010 г.

ВЕРНУТЬ ИЗ ЗАБВЕНИЯ

КЕЙКИ-БАТЫР – КАЗАХСКИЙ ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

В последнее время на исторической ниве Казахстана главная тема – голова хана Кенесары. Патриоты всех мастей требуют: Россия должна отдать голову последнего казахского хана, мы должны с честью и согласно традициям предать останки земле. В газетах, журналах, на телевидении это тема номер один, уступающая лишь природным катаклизмам нынешней аномальной зимы. В «Общественной позиции» было опубликовано открытое письмо, подписанное десятками общественных деятелей с требованием отдать голову.

А что россияне? Они вяло отбиваются: «Ну, нет у нас головы. У нас за двести лет столько всего случилось, одних революций штук пять. Не знаем, где она. Знали бы, отдали бы. Ищите сами. Вот у нас в Кунсткамере лежит череп одного из ваших батыров. Хотите – забирайте».

А теперь стоп. Вот такая у меня натура: придираюсь к мелочам и выискивать подробности. На время оставим останки хана Кене в покое и зададимся другими вопросами: кто этот батыр? Почему его череп находится в российском музее? Почему наши ультрапатриоты не хотят забирать голову этого батыра?

Я начала выяснять ситуацию.

В начале XX века форсированными темпами шла колонизация азиатского Востока России. Только в 1907–1912 гг. туда было переселено из европейской части страны 2 млн. 400 тыс. человек. Масштабно шла колонизация и в Казахстане. Царизм создал переселенческий фонд, лишив казахов к 1916 г. 40 млн. га лучших земель. Казахи были вытеснены в бесплодную степь и горы. Один из высокопоставленных чиновников, назначенных для инспектирования земель отесненных казахов, доложил, что он «не обнаружил ни воды, ни земли», т. к. вся земля там представляла собой скалистые вершины гор.

На каждого едока в Туркестане приходилось по русским поселкам до 3,17 десятин обрабатываемой земли, а на каждого едока коренного населения (казаха, узбека, киргиза и др.) – 0,21 десятины. Создалась большая казахско-киргизская батрацкая армия. В Семиреченской губернии до 98 процентов всех переселенческих хозяйств пользовались наемным трудом. Массовое изъятие земель казахов резко осложнило отношения между кочевниками и русско-украинскими переселенцами. Турар Рыскулов писал: «После 1899 г. этнические конфликты между казахами и русскими стали характерной чертой жизни в степи».

Еще более интенсивным и масштабным стало ограбление края в годы Первой мировой войны. Из степи в огромном количестве по принудительным ценам забирали скот на прокорм огромной армии, кошмы и кибитки, лошадей и верблюдов.

Шла «добровольная» вербовка батраков-казахов для работы в кулацких хозяйствах, на предприятиях. Царская администрация в 1916 г. подготавливала изъятие новых земель для славянских колонистов. «Само существование казахской нации стало острой проблемой», – писал еще в 1913 г. Ахмет Байтурсинов.

Война вызвала в стране развал промышленности, упадок сельского хозяйства, транспортный кризис, голод. Резко увеличились поборы местных чиновников, разжигалась межнациональная рознь. В казахской степи назревал общенациональный кризис. Сама война даже в европейской части России не пользовалась популярностью, а что говорить о национальных окраинах, которым абсолютно наплевать было на Дарданеллы?

Поводом к восстанию послужил указ царя от 25 июня 1916 г. о реквизиции инородцев Средней Азии и Казахстана и ряда других областей «для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии». Набору подлежало все трудоспособное население в возрасте от 19 до 43 лет. Тем самым царское правительство хотело освободить массу русских солдат и рабочих от устройства оборонительных сооружений и других тыловых работ, заменив их «реквизированными инородцами» – как более покорной дешевой рабочей силой. Предполагалась реквизиция из Туркестана и Степного края более 500 тыс. человек. Но считать, что восстание вспыхнуло из-за нежелания идти на фронт, нельзя. Скорее это можно определить одним словом: «Достали».

Вот ответ на царский указ стихийно, почти одновременно, восстали народы огромного региона – Казахстана и Туркестана в целом. В степи, по определению местной царской администрации, образовались «две партии»: «одна, не желающая дать рабочих... другая, согласная выполнить приказ». На стороне царского указа оказалась жалкая кучка байства и колониальная местная администрация – волостные управители, аульные старшины. Против – широкие слои национального крестьянства, казахские рабочие и ремесленники. Идея национальной независимости, ставшая общенациональной, объединила воедино различные слои населения – казахских шаруа, рабочих, традиционную знать степи, оппозиционную русскому и иностранному капиталу, нарождающуюся национальную буржуазию, национальную интеллигенцию. Целые аулы, волости, уезды уходили вглубь степи, забирая с собою все имущество и скот. На стороне восставших оказались и другие «инородцы» – дунгане, уйгуры, узбеки, киргизы. Начали создаваться повстанческие отряды. Повстанцы отбирали и уничтожали списки молодежи призывного возраста, нападали на байские аулы, уничтожали долговые и налоговые расписки, документы на продажу земли, громили волостные правления, аулы волостных управителей. Происходили столкновения повстанцев с царскими отрядами.

Об этом долго старались не говорить, особенно в годы Советской власти, но из песни слова не выкинешь. Восстание сразу приобрело национальную окраску и как любое национальное волнение переросло в жуткую необузданную резню, в которой не щадили ни правых, ни виноватых. Если казахи или киргизы захватывали русские деревни или хутора, то вырезали всех, невзирая на пол или возраст. Карательные царские войска и силы самообороны русских поселков тоже не знали пощады. Сакен Сейфуллин описывал такой случай, когда мятежников – мужчин, женщин, детей – ставили в шеренгу и по очереди рубили головы. Местные переселенцы при поддержке карательного корпуса создавали боевые группы и нападали на соседние аулы, вырезая тоже всех от мала до велика. На Талгарской трассе, там, где находится современный аэропорт, каратели установили орудия, которые картечью долбили уходивших к перевалу беженцев.

По данным на январь 1917 года, более 273 тысяч жителей восставших аулов Семиречья карателями было загнано в Китай. В результате карательных мер царской власти в Джетысуйской губернии, по подсчетам самой администрации, было 53 тысяч хозяйств (30%, включая бежавших в Западный Китай). Аулы и

кишлаки на всем протяжении от Верного до границы с Китаем были превращены в развалины. Оставшаяся часть, 37 355 казахских семей этого огромного региона, была загнана в бесплодные горные районы или пустынные зоны Прибалхашья. В районах восстания осталось в среднем не более 1/3 поголовья скота.

Одним из крупных центров восстания 1916 г. была Тургайская зона. Борьба казахских крестьян здесь была особенно упорной и длительной. Местная аульно-волостная администрация была отстранена от управления, и власть перешла в руки повстанцев. Восставшие казахи кыпчакского рода Тургайского уезда избрали своим ханом внука бия Среднего жуза Нияза – не менее влиятельного среди своих сородичей Абдулгафара Жанбосынова. Сардарбеком, то есть военным руководителем, своего рода главнокомандующим, был избран Амангельды Иманов, а его заместителем Алиби Джангильдин. Тургайский очаг восстания отличался централизацией власти, слаженной системой управления повстанческим движением. Вопросы военной учебы находились в центре внимания Военного совета – Кенеса. «Совет, – вспоминал Джангильдин, – усиленно занимался вопросами снабжения повстанцев оружием и боеприпасами. Мы организовали несколько кузниц. Здесь наши кузнецы вместе с рабочими, бежавшими от мобилизации из Атбасара, Акмолинска и даже из Семипалатинска, переделывали и чинили берданки, охотничьи и старинные фитильные ружья, ковали ножи, топоры, пики... Мы сами готовили порох, лили пули, делали седла и сбруи». Амангельды создал большой повстанческий отряд, организовал производство оружия и сам обучал повстанцев военному делу. К этому времени их общее количество достигло 20 тысяч человек.

Сардарбек показал себя недюжинным тактиком и командиром. Он изобрел свою тактику ведения боя: создавал особые отряды из мергенов, расставлял их в песчаных барханах как снайперов, бросал стремительную конницу на пути коммуникаций царских отрядов. Каратели были вынуждены признать, что повстанцы Тургая «приняли военный строй, колонны идут уступами, атакуют лавой; на отдыхе охраняются заставами и разъездами, высылаемыми за 25 верст». Но, конечно, им далеко было до хорошо обученных и отлично вооруженных регулярных царских войск и казачьих отрядов.

У Амангельды была своя гвардия – элита повстанческой армии: тысяча отчаянных, сравнительно хорошо вооруженных джигитов, которых возглавлял его лучший друг Кейки-батыр.

Кейки (Нурмагамбет) Кокембайулы родил-ся в 1871 году в местности Байтума Костанайской области и происходил из рода кыпчак Среднего жуза. Великолепный стрелок (мерген). Из древнего фитильного ружья за семьсот шагов попадал сайгаку в глаз. О его снайперской стрельбе до сих пор ходят легенды. Своего рода казахский Вильгельм Телль. С самого начала восстания он был активным его участником. В конце октября 1916 г. 15 тысяч повстанцев под командованием Амангельды осадили город Тургай. Отряд Кейки-батыра был на самых ответственных участках. Но, несмотря на подавляющее превосходство в численности, повстанцы не смогли взять город. Сказалось превосходство современного оружия. Казаки установили на господствующих высотах пулеметы и пушки и буквально выкашивали вооруженных пиками и фитильными ружьями повстанцев. Для разгрома восстания царское правительство направило десятитысячный карательный экспедиционный корпус во главе с генералом Лаврентьевым.

По пути к Тургаю отряды карателей истребляли казахские аулы. Очевидец событий тех лет, публицист В. Вегман впоследствии писал: «Аулы сжигались, и в

пламени вместе со скарбом горели загнанные туда живые люди. Чтобы избежать мучительной смерти, киргизские женщины бросались со скал вниз головой».

Оказавшись не в силах овладеть Тургаем, повстанцы сняли осаду и в середине ноября у почтовой станции Тункойма атаковали царский отряд, приближавшийся к Тургаю. Только после тяжелых боев царским войскам удалось войти в город. Особенно отличилась тысяча Кейки-батыра. Очевидец вспоминал: «Все бились храбро и самоотверженно. Но если бы все дрались так же умело, как Кейки Кокембайулы и его джигиты, то победа была бы за нами».

Основная часть отступивших повстанцев обосновалась близ урочища Батпак-Кара и в песках Аккум и перешла к методам партизанской борьбы. Разбившись на мелкие отряды, они внезапными нападениями наносили серьезные удары карательным войскам. Лихие конные налеты храбрых джигитов Кейки-батыра навели ужас на карателей.

Трагически закончилась битва при Догал-Урпеке. 40 сарбазов, ведущих арьергардные бои, были окружены карателями. Кейки-батыр хотел с ними остаться. Но был ранен, и джигиты почти насильно посадили его на коня и увезли. Сарбазы отстреливались до последнего патрона, а оставшиеся в живых перед закатом солнца с пиками наперевес вступили в рукопашный бой...

Революцию Кейки-батыр встретил настороженно. В отличие от Амангельды, перешедшего под красные знамена большевиков и эмира Абдулгафара, вставшего на сторону Алашорды, он остался в стороне. Не верил он ни тем, ни этим. И, может, правильно сделал. После того как алашординцы убили Амангельды, а Джангильдин с красноармейцами расстрелял Абдулгафара, Кейки-батыр ушел в Улытау и Кызылкумы. Там он сражался и с красными, и с белыми. Отряд басмачей Кейки-батыра безраздельно хозяйничал в Кызылкумах до 1923 года.

Мы привыкли к советскому стерео-типу и считаем басмачей обычными бандитами. На самом деле это были повстанцы, боровшиеся с красными, такие же, как крестьяне Тамбова, поднявшие мятеж. А самого Кейки-батыра можно сравнить с батькой Махно, политическая платформа у них практически одинаковая. Но 22 апреля 1923 года провокатор выдал дом, где скрывался батыр. Дом окружили. Кейки до последнего отстреливался, жена рядом перезаряжала ему винтовки. В последний раз он доказал свою славу лучшего мергена степи. Шестеро убитых красноармейцев и девять раненых. Этот эпизод отображен в фильме «Амангельды», только там вместо Кейки-батыра был показан Амангельды со своей женой. Обозленные большими потерями красноармейцы обезглавили тело, отрубили обе руки и увезли с собой, а останки оставили лежать рядом с телами убитых родственников батыра – жены, не успевшей родить ребенка, и брата. Напуганные зверствами, местные жители бежали в степь, не похоронив убитых. Кто и в каком месте предал их земле – неизвестно и поныне.

Долгое время о Кейки-батыре вообще запрещалось говорить. За родственные отношения с прославленным воином могли и посадить. Существует рассказ женщины: «Родилась я в Узбекистане, под Ташкентом, куда мой отец вынужден был уехать еще в далекие двадцатые, т.к. в родной степи подвергался гонениям, потому как приходился племянником Кейки-батыру, сыном его родной сестры Актамак. Эта тема была в нашей семье запретной, если и говорили, то только шепотом. Отец всю жизнь прожил на чужбине и возвратился на Родину за два месяца до смерти. Мы, шестеро его детей, знали, как он мечтал о жизни на родной земле, и в память о нем остались жить здесь. Я помню наш приезд в город Жезказган в августе 1968 года. Самолет приземлился, нас встретила пыльная буря, пронизывающий холодный ветер, и отец, целующий эту землю, произносил:

«пай-пай-пай тусан жер!» Тогда мы были детьми и не понимали, как можно радоваться этому ветру и пыли. Только по прошествии многих лет поняли, как хорошо жить на родной земле, на земле предков».

Пришло время, и имя Кейки-батыра вышло из забвения. В честь 125-летия со дня рождения в Аркалыке ему был установлен бюст, на родине, в селе Амангельды, провели богатый той. Известный историк Манаш Козыбаев выяснил, что в 1926 году в связи с переездом столицы Казахстана из Оренбурга в Кызыл-Орду череп предводителя племени кулан-кипчаков Кейки-батыра был передан в Кунсткамеру Ленинграда (Санкт-Петербурга). Прямо средневековое какое-то. Написали письмо в Питер, оттуда ответили, что действительно череп находится у них, что они готовы отдать его, если поступит просьба от близких родственников (потомков), намеревающихся предать останки захоронению.

И все дело застопорилось. Нужны деньги на перевозку черепа в Тургайские степи, нужны деньги для всех ритуальных дел и возведения мавзолея. Родственники Кейки-батыра не столь богаты, чтобы нести все расходы по передаче черепа и его захоронения. А большинство ура-патриотов, произнеся речи и отведав бешбармак на тое, услышав «страшные» слова о деньгах, моментально исчезли. На сегодняшний день останки Кейки-батыра так и хранятся в антропологическом фонде в Кунсткамере Санкт-Петербурга. Ждут, когда появится спонсор из числа «шала казахов» типа Олжаса Сулейменова, который оплатит все расходы.

Кейки-батыр не был ангелом и святым. Но это был человек, положивший свою жизнь за свободу Казахстана. Так давайте вместо того чтобы устраивать дорогостоящие празднества, достойно похороним останки героя, сражавшегося за свободу казахского народа.

Анель ТУРГАМБЕКОВА